

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В
КАВКАЗОВЕДЕНИИ****А.Х. Боров****Постановка проблемы**

В конце XX – начале XXI в. Северный Кавказ занял место в общественных дебатах и представлениях, далеко превосходящее по значимости его удельный вес в территории, населении и экономике страны. Причины очевидны. Это – кризисный и конфликтный характер протекания в регионе социально-политических процессов на переходе от советской к современной государственности России; распространение и отчасти укоренение на социокультурной почве Северного Кавказа негативных элементов современного глобального развития – этнических конфликтов и сепаратизма, религиозного фундаментализма и экстремизма, терроризма; обусловленное всей совокупностью указанных выше обстоятельств, превращение региона в источник и «проводник» многообразных угроз для безопасности российского общества и государства.

Наследие кризисного переходного периода в 2010-е гг. выражается в том, что содержание и направленность «кавказской политики» России остается объектом противоборства различных идейно-политических течений. Публичное обсуждение проблем Северного Кавказа идет, как правило, в рамках трех общих подходов. Либерально настроенные аналитики в России и на Западе, а также представители международных организаций акцентируют вопросы обеспечения прав человека в регионе. Аналитики и политические деятели, исходящие из приоритетности державно-национальных интересов России, выдвигают на первый план задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Интеллектуалы, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия.

Во всех этих случаях в качестве явной или неявной посылки присутствует представление, что источником проблем, противоречий и конфликтов в регионе является его этнокультурное и конфессиональное своеобразие, его «инаковость» по отношению к основной культурной матрице современной России. Устойчивость ссылок на особую, даже уникальную природу Северного Кавказа как российского региона бросается в глаза при самом поверхностном обзоре периодики и специальной литературы. Подобные суждения являются общим местом не только в публицистических и паранаучных работах этноцентристского толка, но и в академических исследованиях, выполненных с объективистских позиций [50, с. 10-12; 40, с. 5]. Наряду с этим практически все

участники текущих обсуждений северокавказской тематики ссылаются на исторические корни современных коллизий и проблем.

Таким образом, культура и история на равных присутствуют в общественно-научном дискурсе по поводу Северного Кавказа. Попытки смоделировать перспективу развития региона на ближайшие 25-30 лет, подчеркивал академик А.В. Торкунов на конференции с характерным названием «Кавказ в российской политике: история и современность», требуют ретроспективного анализа событий и тенденций последних 150-200 лет [42, с. 8-9]. Нет сомнения, что необходимым элементом фундаментализации научных подходов к современным проблемам является их включение в широкий культурно-исторический контекст. Вопрос заключается в том, как реализовать этот подход?

Чаще всего наблюдаются попытки непосредственного обращения к эмпирическому материалу северокавказской истории для указания на истоки тех или иных явлений и проблем, выборочное и инструментальное использование фактов, проецирование на будущее коллизий и решений прошлого. Но было бы нереалистичным ожидать, что события и явления прошлого, сколь бы полно они ни были изучены, получают однозначное толкование и приведут всех субъектов текущего политического процесса к согласию относительно будущего Северного Кавказа. Выбор между различными программами актуального развития региона и «проектами» его будущего будет осуществляться на концептуальном уровне. Важно обеспечить условия «коммуникативной рациональности» в этом процессе, т.е. взаимопонимания и диалога между ними.

Этими обстоятельствами обусловлена цель данной статьи – выяснение возможностей подведения единого концептуального базиса под исторический (ретроспективный) и актуальный (перспективный) анализ проблем исторического развития Северного Кавказа. Непосредственные задачи исследования состоят в реконструкции, типологизации и концептуальном анализе моделей представления культурно-исторической специфики региона в отечественном кавказоведении конца XVIII – начала XXI вв., и на этой основе – в определении требований к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона.

Северный Кавказ в просветительско-географической картине мира

Исходным пунктом анализа в рамках данной статьи являются те представления о культурно-исторической специфике Северного Кавказа, которые обнаруживаются в исследованиях и материалах академических экспедиций последней трети XVIII в. «Екатеринин век впервые озарил сию страну светом истины», – писал о Кавказе С. Броневский в 1810 г., имея в виду, прежде всего, «сокровища, извлеченные Гильденштедтом, Гmeliным и Палласом из темных Кавказских вертепов» [32, с. VIII].

Первоначальный импульс познавательного интереса был задан вполне практическими обстоятельствами. «Так как Россия имеет отношения с этими

народами в течение трех столетий, то я считал своим двойным долгом ... пролить столько света в эту темноту, сколько это будет возможным для меня», отмечал И.А. Гильденштедт в начале 1770-х гг. [12, с. 224] А издание краткого систематизированного свода материалов его экспедиции в 1809 г. уже обосновывалось тем, «чтобы сообщить Российской публике Географические и Статистические известия о Грузии и Кавказе из Гильденштедтова путешествия, в такое время, когда сии во многих отношениях еще неизвестные страны присоединились к Российскому государству, наипаче в кратком извлечении, которое тамошними чиновниками несомненно может употребляемо быть с пользою» [11, с. 6].

Возникавший в этих материалах культурно-исторический образ Кавказа представлял собой его отражение в зеркале европеизированного просвещенного сознания. При этом полагалось, что именно рациональное европейское сознание может преодолеть познавательные трудности и дать народам Кавказа истинное знание о них самих, поскольку «невежество, частью дикость самих народов и незначительность многих из них сохранили их в такой темноте, что о старине знали мало и еще меньше что-то достоверное, и многие почти не знали своего названия, которое также еще было искажено» [12, с. 224].

Следующая черта этой модели – представление культурно-исторической специфики региона в контексте географического познания Кавказа, дающего «сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних народов, равно как о физических качествах страны, примечательной положением своим между Европой и Азией» [32, с. VII]. Кавказ в рамках такого дискурса, прежде всего, неведомая доселе «страна». Историческое измерение в первоначальном познании региона было выражено относительно неярко. Здесь сказывалось и объективное состояние источниковой базы, и преимущественная установка на описание, но не объяснение «наблюдаемой» социально-политической и культурной ситуации этой «страны».

Главная содержательная характеристика социокультурного образа Кавказа – дробность и огромное внутреннее многообразие его культурно-лингвистического и социально-политического пространства. «В Кавказских горах находится большое число меньших и больших остатков народов и их скопищ», констатирует И.А. Гильденштедт, обитают они «в почти бесчисленном количестве округов и уездов, которые частью друг с другом имеют отношения, частью полностью [живут] сами по себе, и обитатели их говорят на чрезвычайно различных языках, являются то подданными деспотов, то без начальства и состоят только [под властью] выбранных ими самими старейшин, не знают ни законов, ни послушания» [12, с. 224].

Вместе с тем, в рамках рассматриваемой модели реализовалось стремление определенным образом упорядочить материал наблюдений и описаний, привести его в систему. Делались попытки положить в основу первоначальных систематизаций комплексные критерии, но фактически определенность и устойчивость давали только этнолингвистические признаки. «С помощью собранных и сравненных образцов языка, наблюдений и сравнения государственных устройств, исторических обстоятельств,

физического сходства и т.д. [выяснилось], что различные диалекты сводятся к немногим коренным или родственным языкам, и точно так же [можно свести] многочисленные толпы народов к немногим нациям и множество уездов и округов к немногим провинциям», – характеризовал свой метод И.А. Гильденштедт [12, с. 224]. В итоге он выделил на Северном Кавказе укрупненные провинции, соответствовавшие областям расселения карачаево-балкарцев (Басиания), адыгов (Черкесия), осетин (Осетия), вайнахов (Кистия), дагестанских народов (Лезгистан).

Первоначальная «просветительская» и «географическая» модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа оставляла без ответа очевидные вопросы. С одной стороны, было неясно, чем помимо географической близости объединяются столь различные в этнокультурном и социально-политическом плане общности региона. Общее определение «горские», применявшееся ко всем этим общностям, само по себе не несло концептуализации или типологизации их культурно-исторической специфики. С другой стороны, идентификация более или менее широких этнолингвистических общностей и элементов сходства их социокультурных систем мало что давали для объяснения различий в их социальной организации и социальных практиках. Все это не имело большого значения, пока речь шла только о первоначальном знакомстве с народами региона. Но когда возникли задачи их подчинения военно-административному контролю и управлению, кавказоведение получило толчок к дальнейшему развитию.

Политико-этнографическая модель: «открытие другого» как элемент военно-политического планирования

Современные исследователи указывают, что завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения. М.О. Косвен подчеркивал, что к началу XIX века этнография Кавказа находилась лишь в зачаточном состоянии. Начало более интенсивного, затем все усиливающегося собирания этнографических данных по всем районам Кавказа, шаг за шагом входивших в сферу русского политического и культурного влияния, он связывал с 1801 годом – датой присоединения к России Грузии [26, с. 289-290].

В качестве особой примечательной черты развития российского кавказоведения в первой половине XIX в. можно отметить следующее. Входя в общее академическое пространство российской историографии, оно как бы специализировалось на выполнении одной из социальных функций исторического познания, которую современные методологи обозначают как «открытие Другого» [38, с. 375-381]. Если в современном культурно-идеологическом контексте установка на познание «Другого» является выражением гуманистической составляющей науки, ее антропологической ориентации, то в условиях Кавказской войны она выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника. С. Броневский считал знания о Кавказе «наипаче нужными для Русских Офицеров в том краю служащих» [32, с. IX].

Соответственно этому, основной вектор научных поисков был направлен не на общую характеристику «страны» или выработку широких культурно-исторических обобщений, а на углубление и детализацию этнографических наблюдений, раскрывающих специфику отдельных «народов» и, шире, любых социокультурных субъектов и социально-территориальных единиц, образующих этносоциальное пространство Северного Кавказа. Запросы военной и административной политики государства служили важнейшим стимулом для этого, и в 1840-е гг., когда Кавказская война была еще в самом разгаре, «высшие российские власти пытались как можно точнее уяснить себе характер местного права и общества у новых мусульманских подданных Империи на Кавказе» [10, с. 147-148].

Таким образом, была сформирована модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, которую можно определить как политико-этнографическую. Она представляла собой развитие просветительно-географической модели. В сжатом виде ее основные элементы сформулировал академик Н.Ф. Дубровин. Он начинает свой известнейший капитальный труд по истории войны и владычества русских на Кавказе с обоснования необходимости предварить изложение военных событий изучением административного устройства и характера населения воюющих сторон. Но если в европейских государствах то и другое основано на близких, почти одинаковых началах, то среди «племен азиатских, а в особенности тех, которые стоят на низкой ступени развития и даже находятся, можно сказать, в патриархальном и первобытном устройстве, такое изучение администрации обществ и народного характера становится необходимым для каждого отдельного племени», и это с «должно быть с особым вниманием применено и по отношению к Кавказу», в силу разнообразия местных нравов и обычаев. С другой стороны, «изучение народного характера важно и для администратора, чтобы крутым поворотом не нарушить прежних привычек народа», что часто, «особенно на Кавказе», служило причиной волнений и вооруженных восстаний. Приведя конкретные примеры, иллюстрирующие эту мысль («Почему те же черкесы очень редко защищали аул, тогда как жители Дагестана, напротив, оборонялись в своем селении слишком упорно?»), Н.Ф.Дубровин еще раз подчеркивает «необходимость этнографического описания, долженствующего предшествовать изложению военных действий и исторического хода распространения русского владычества в крае» [16, с. 11-14].

Социокультурная «инаковость», неевропейская природа народов Северного Кавказа в политико-этнографической интерпретации основаны на стадийной характеристике их «общественного быта». Первое, что здесь бросается в глаза – это констатация отсталости общественного развития горских народов, их пребывания в состоянии «первобытности», «младенчества» и отсутствия элементов цивилизации.

Наряду с исследованием традиционных (самобытных и устойчивых) форм хозяйства, социальности и культуры политико-этнологический подход предполагал и анализ текущих этносоциальных процессов и политико-

идеологических трансформаций в местных обществах. Такова исследовательская установка К.Ф. Сталя в «Этнографическом очерке черкесского народа»: «Современная жизнь горских народов крайне поучительна для всякого наблюдательного ума. Горские народы Кавказа переживают в настоящее время трудную эпоху политического и религиозного преобразования, сопряженного как всегда и везде, с внутренними смутами, внешнею войною и упадком старых преданий и обычаев». И вновь ярко проявляется связь познавательного интереса с насущным политическим интересом российского общества и государства: «Этот политический переворот в обществе горском, остававшемся с незапамятных времен в состоянии совершенной неподвижности, переворот, усиленный и сопряженный с религиозным фанатизмом, сделал войну горцев против нас гораздо важнее и кровопролитнее, породил для нас большие трудности и отсрочил успокоение края на довольно продолжительное время» [41, с. 187].

Восприятие и трактовка авторами XIX в. вопросов «общественного быта», т.е. типов общественного устройства, социальных структур, институтов власти и управления у народов Северного Кавказа, не могут быть корректно оценены без учета решаемой ими политической сверхзадачи – отыскания эффективных способов покорения и управления этими народами. Это обстоятельство отражало не только политическую ангажированность и соответствующую ограниченность взглядов первого поколения российских кавказоведов, но и ту реальную историческую ситуацию, в которой находились народы региона, в которой осуществлялась их социальная практика, функционировали, воспроизводились и видоизменялись социальные институты, регулирующие их жизнедеятельность.

В рамках политико-этнографического подхода продолжалась работа по «статистическому описанию народов» региона, его подробное этносоциальное и этнополитическое «картографирование». Первоначальная фиксация географического распределения этнолингвистических и этносоциальных общностей перестает удовлетворять. «Некоторые писатели, исследовавшие Кавказ, разделили жителей его на столько отдельных народов, сколько им представилось отдельных племен и их названий», – отмечал Л.Я. Люлье [31, с. 47]. Но и последующие попытки уточнить и прояснить соответствующие представления наталкиваются на неразработанность терминологического аппарата этнографических описаний, отсутствие четких определений таксономических единиц. В текстах авторов XIX в. (может быть за исключением Е.П. Ковалевского) нет определенной иерархии понятий «народ» или «народность», «племя», «колono», «отрасль», наблюдается их произвольное «авторское» использование [23, с. 262].

Еще более знаменательно тесное переплетение этнической и социально-политической номенклатуры в статистико-географических описаниях Северного Кавказа. Как правило, описание того или иного «народа» дополняется указанием на ряд «обществ», из которых он состоит. Само понятие «народ» без дополнительных разъяснений порой употребляется в одних и тех же текстах и в этнографическом значении (как культурно-лингвистическая

общность) и в социально-политическом значении (как население образующее самостоятельную социально-потестарную единицу или как население подвластное какому-то определенному правителю).

Здесь важно не указать на «путаницу взглядов», а отметить, что в них отразилась сложная конфигурация социально-этнических образований, в пределах которых возможен содержательный анализ взаимоотношений общества и власти. С другой стороны здесь отражена специфика включенности индивида в систему социальных связей, определявшая его самосознание (идентичность), мотивацию и формы социального действия. К.Ф. Сталь фактически описывает и объясняет то, что сегодня обозначили бы как специфику структур идентичности, когда ставит вопрос «каким образом проявляется в горском обществе любовь к родине». У горцев, «раздробленных на маленькие независимые общины», нет «общего отечества, преследующего какую-нибудь высокую, осознанную цель». Любовь к родине у них «проявляется бессознательно привязанностью к месту рождения, к обычаям, которые он считает лучшими в мире». «Горец гордится своей родиной, потому что в этом микроскопическом государстве он не последний человек, он играет более или менее важную роль как князь или старшина, или наездник, или язык народа (оратор)» [41, с. 224-226].

Но уже в ходе Кавказской войны наблюдатели и исследователи фиксировали важные сдвиги в структурах идентичности горцев. Они были связаны с военным продвижением России, распространением ислама, падением роли или ниспровержением власти аристократии. В результате, полагал еще А.И. Барятинский, «населения, которые до тех пор были раздроблены на отдельные общины» «слились в одну духовную национальность», что сделало возможной централизацию духовной и светской власти в имамате. Те же факторы на Северо-Западном Кавказе вели к тому, что чуждые друг другу и даже враждебные общины стали заключать между собой союзы и договоры, «и таким образом черкесы союзнились и явился у них общий интерес» [18, с. 406-407; 41, с. 264].

Особенностью трактовок общественного строя народов Северного Кавказа в историко-этнографической литературе XIX в. является тесная и в то же время амбивалентная взаимосвязь социальных структур и систем власти и управления. Следует помнить, что почти до конца XIX в. продолжала господствовать идущая из античных времен традиция фактического отождествления общества и государства. В качестве синонимов употребляет понятия «общественное устройство» и «политическое устройство» Н.И. Карлгоф. Вместе с тем, он исходит из того, что у кавказских племен «политическое устройство не составляет исключительной особенности их, а принадлежит всем младенчеству народам», будь то древние германцы или «нынешние дикари Северной Америки» [20, с. 104, 112].

Указаниями на отсутствие у горцев Северного Кавказа «правительства» или «исполнительной власти», «общественных властей», «администрации», на «безначалие» и «анархию» пестрят почти все работы авторов XIX в. Но наряду с этим ставится вопрос о «формах» или «образе» правления, о «внутреннем

управлении», об «организации власти» и т.д. Они пытались применить к анализу систем власти в северокавказских обществах категории европейской политической теории. С.М. Броневский писал о том, что на Кавказе встречаются все три основных вида правления, известные с античных времен, – монархия, аристократия и демократия. Но при этом подчеркивал, «смещение оных чрезмерно наипаче двух первых видов» [32, с. 38]. И.Ф. Бларамберг, обобщивший большую часть накопленных к началу 1830-х годов знаний о народах Кавказа, пришел к выводу, что на Кавказе «известны только две формы управления – аристократия и демократия», так как Шамхал Тарки, ханы аварские и казикумухские, элисуийский султан именуются монархами, но они монархи скорее по названию, чем фактически». Вслед за С.М. Броневским, он считал, что монархическая и аристократическая формы управления «могут быть осмыслены на Кавказе под названием более верным – феодализм, потому что ханы и князья разделяют власть с их вассалами и различие заключается только в степени власти и могущества, которыми каждый из них обладает» [6, с. 38-39].

Весьма характерно, что формы управления в «аристократических» обществах раскрываются только через анализ их сословной структуры, сословного статуса, прав и привилегий владетельных князей. При этом все авторы указывают, что власть князя не является безусловной, а зависит во многом от его личного авторитета, подкрепляемого военной доблестью, умом и красноречием. В «демократических» обществах власть «старшин» также зиждется на их возрастном статусе и личном авторитете. Даже народное собрание как «высший орган власти» не обладает инструментами принуждения, для проведения в жизнь воли большинства. В этих условиях единственный механизм проведения в жизнь властной воли и поддержания порядка в обществах Северного Кавказа – это обычай.

Политико-этнографический подход оказался весьма плодотворным и оставил последующим поколениям кавказоведов огромный материал, до сих пор питающий историко-этнографическую мысль. Но масштаб концептуальных поисков был лимитирован ориентацией на достижение лишь политико-административных результатов. Между тем, с завершением Кавказской войны государственный интерес сместился с целей установления преимущественно внешнего контроля на задачи регулирования внутренних для местных обществ поземельных и социальных отношений.

Социоисторизм в позитивистском и марксистском вариантах

Примерно с середины XIX в. изучение социальной структуры и обычного права обществ Северного Кавказа становится предметом преимущественного интереса российских кавказоведов. Подготовка и проведение либеральных преобразований 1860-70-х гг. подкрепили этот интерес и стимулировали либерально-просветительские подходы.

Познавательные предпосылки становления новой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа создавались

накоплением этнографического материала о народах региона, профессионализацией сферы научного изучения Кавказа, превращением его в интегральную часть академической науки в условиях становления научного историзма и роста влияния позитивистской теории социальной эволюции. Базовая черта этой модели – социоцентризм, т.е. превращение общества, социальной структуры и социальных отношений (познаваемых через систему обычного права) в предмет преимущественного интереса и в основной элемент концептуализации культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

Перед кавказоведением ставятся более сложные задачи, связанные с преобразовательной практикой. Видный деятель российского либерализма и выдающийся ученый М.М. Ковалевский указывал, что изучение обычного права горцев Северного Кавказа имеет значение «одновременно и теоретическое и практическое». «От их скорейшего решения зависят, на наш взгляд, и дальнейшие успехи кавказоведения и выполнение принятой нами культурной миссии на Кавказе...Этнография и история обязаны на этот раз придти на помощь законодательству и судебной практике, выясняя им тот путь, по которому они должны идти, имея в виду интересы общественного возрождения края», – писал он [24, с. VI].

В рамках социоисторической модели переформулируются и заново ставятся традиционные вопросы. Анализ эмпирического материала подчиняется решению общих теоретических вопросов социальной эволюции. По Ф.И. Леонтовичу кавказские обычно-правовые материалы (адаты) представляют немаловажный научный интерес для сравнительного правоведения. В обычном праве кавказских горцев «в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» [28, с. 17]. М.М. Ковалевский был убежден, что результатами изучения Кавказа со стороны обычного права населяющих его народностей будут восполнение и исправление тех учений о древнейшем праве и учреждениях, которые пользуются всеобщим признанием, в частности, видоизменение ходячих представлений «о так называемом феодальном быте» [25, с. 137].

Соответственно этому снижается интерес к изучению традиционных форм правления у народов Северного Кавказа, тем более что по завершении Кавказской войны все функции власти и управления в регионе сосредотачиваются в руках российской администрации. На смену традиционной для первого поколения российских кавказоведов дихотомии: «аристократические» или «демократические» народы, основанной на различии форм правления, приходит дихотомия «феодальный» или «родовой» строй. При этом если авторы первой половины XIX в. не сомневались, что на Кавказе существуют как аристократические, так и демократические общества, и что между ними имеются реальные различия, то иначе выглядят дискуссии конца XIX в. о феодализме на Северном Кавказе. Сторонники признания феодализма у народов Северного Кавказа, с одной

стороны, типологически уподобляли «горский феодализм» феодализму европейскому, а с другой, подчеркивали, что феодальные отношения характеризовали общественное устройство лишь некоторых народов Северного Кавказа [15, с. 699-700]. Критики концепции феодализма на Кавказе считали невозможным вообще говорить о феодализме применительно к местным обществам, поскольку не усматривали здесь важнейшего его признака – частной поземельной собственности. Общественный строй всех северокавказских народов подводился ими под категории архаической системы, сочетавшей начала родовой и территориальной общинной организации [28; 2; 49; 29].

Совокупность аграрных и социальных преобразований эпохи реформ 1860-70-х гг., равно как ход и результаты дальнейшей социально-культурной эволюции народов Северного Кавказа в дореволюционный период не успели стать объектом академического интереса историков. Хотя современные специалисты говорят порой о дореволюционной историографии реформ и пореформенного развития в регионе, подавляющее большинство анализируемых ими текстов представляет собой обнародование сводок официальных документов и подготовительных материалов сословно-поземельных комиссий, осуществленное чиновниками кавказской администрации. Другая группа работ – это публикации в периодической печати, среди которых следует выделить тексты, исходящие от представителей местной просветительской интеллигенции [27; 36]. В концептуальном плане дореволюционная литература по проблеме дифференцируется в зависимости от имеющихся в ней оценок адекватности и эффективности проведенных аграрных и социальных преобразований.

Прежде всего, следует отметить, что базовым понятием для дореволюционных авторов является не «реформа», «преобразование», «переустройство», а «устройство поземельного быта» и «решение сословного вопроса» у горцев Северного Кавказа. В этом отразилось то обстоятельство, что выяснение структуры поземельных и сословных отношений у народов региона их «реинтерпретация» в терминах российского права, были необходимым условием, а по сути, частью самих преобразований 1860-1870-х гг. Основным результатом реформ оказывалось утверждение в крае формально определенного, понятного российскому обществу и властям порядка в социальных и поземельных отношениях.

Главные споры шли вокруг вопроса, адекватно ли определено соотношение частновладельческих и общинных начал в землевладении у тех или иных народов, но в оценках доминировало признание того, что правительство сумело нащупать разумный компромисс между этими началами, между интересами привилегированных и зависимых сословий [28]. Молчаливо подразумеваемый критерий оценок эффективности преобразований лежал в прошлом, в опыте Кавказской войны. Реформы воспринимались как средство поддержания умиротворенного состояния края.

Сложность и неоднозначность отражения процессов Российской модернизации на Северном Кавказе, трудности выработки способов и методов

адаптации традиционного общества к условиям индустриальной цивилизации получили адекватное осмысление у представителей северокавказской просветительской интеллигенции. В их трудах историческая ситуация пореформенного периода предстает как ситуация «встречи» отставшего традиционного общества с сильным родовым началом, всецело жившего натуральными формами хозяйства, с европейской цивилизацией, ситуация включения аграрного по преимуществу региона в мировой процесс буржуазного развития (через российский рынок). Наиболее разработанную концепцию социально-культурной эволюции горских обществ дал А.Г. Ардасенов. Он показал, что, горские общества оказались в сложнейшем переходном состоянии, в некоей устойчивой промежуточной ситуации между двумя цивилизациями: традиционной и современной [4, с. 160].

Оформившаяся к концу XIX в. проблематика типа и уровня общественного развития народов Северного Кавказа была, по сути, напрямую унаследована советской историографией. Методологический канон марксизма, разумеется, резко противостоял позитивизму в том, что касалось понимания диалектики производительных сил и производственных отношений, классовой борьбы и социальной революции как движущих сил исторического процесса. Но было и общее с позитивизмом в познавательных установках: ориентация на выявление сущностного единства всемирно-исторического процесса, воплощенного в универсальных законах и общей направленности социальной эволюции.

Марксистский социоисторизм советской эпохи насчитывает несколько десятилетий развития и за это время он претерпел существенные изменения. В 1920-е гг. доминировала установка на культурно-историческую унификацию предмета исторического кавказоведения с общим содержанием социально-исторического процесса. М.Н. Покровский, указывая, что различные по языкам горские народы «не более походили друг на друга своим общественным строем», отмечал, вместе с тем, что черкесы, населявшие западную половину Кавказского хребта представляют «резко бросающееся в глаза – и давно отмеченное» сходство с средневековой Европой. Более того, он полагал, что в XVIII в. черкесское общество переживало эволюцию, аналогичную тому, что происходило в недрах европейского «старого режима». Свержение господства дворян, например у шапсугов, в конце XVIII в. было по М.Н. Покровскому логическим завершением этой социальной эволюции [33, с. 197-198]. В данном случае имело место не столько исследование, сколько «прочтение» черкесской истории сквозь призму марксизма.

Одновременно развивается подход, нацеленный не только на подведение социальных форм бытовавших на Северном Кавказе под общие формационные категории, но и на выявление присущих им специфических черт. В 1934 г. Н. Лихницкий и Н. Покровский в явном виде сформулировали «большую проблему» советского кавказоведения – проблему «своеобразия докапиталистических отношений у горцев» [30, с. 100]. Во всем развитии исторического кавказоведения до самого конца советской эпохи «большая

проблема» стадияльно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохраняла свое ключевое значение.

Вплоть до 1950-х гг. наблюдался значительный разброс в оценках между полюсами родового устройства и зарождения элементов капитализма в тех или иных обществах. Но к концу десятилетия утверждается относительно «сбалансированное» представление общественного строя практически всех народов Северного Кавказа к началу XIX в. как сочетавшего в том или ином соотношении феодальные и патриархальные начала [46, с. 133]. Но тем самым отнюдь не снималась «большая проблема» советского кавказоведения. В практике исследований и в обобщающих интерпретациях она проявлялась в том, что «феодальное» было тем, что ученые искали, а «патриархально-родовое» – тем, что они не могли игнорировать в общественном строе народов региона.

Часть трудностей, которые при этом возникали, вполне осознавалась исследователями. Изучение данного вопроса крайне затруднено двумя обстоятельствами, – указывал А.В. Фадеев на рубеже 1950-1960-х годов, – «во-первых, тем, что феодальная собственность на землю у горцев складывалась на основе фамильного владения, что затушевывало частный характер присвоения земли, а во-вторых, пребыванием феодалов в составе сельских общин, в результате чего захват ими общинных земель нередко имел форму, так сказать, законного, с точки зрения общинного права, выделения земли в пользование» [47, с. 285].

В дальнейшем исследователями было сделано немало, чтобы наполнить формационные категории конкретным социально-правовым содержанием, привязанным к условиям различных хозяйственно-культурных ареалов. С точки зрения описания и анализа социальных отношений ключевое значение имело все более углубленное и детальное изучение обычного права народов Северного Кавказа. С точки зрения объяснения специфики формирования и функционирования феодальной собственности на землю упор делался на характер экономического базиса (типы и соотношение земледелия и скотоводства, обусловленные, в свою очередь, природно-географическими факторами). Но, в конечном счете, вся эта работа сводилась к развернутым иллюстрациям, подтверждению и частичным уточнениям устоявшейся концепции.

Таким образом, к концу 1960-х годов, накопление конкретно-научных результатов в изучении общественного строя народов Северного Кавказа сочеталось с концептуальным застоем. В этом сказывалось наличие познавательных трудностей, не осознававшихся или, во всяком случае, не обсуждавшихся тогда в советском кавказоведении. Логика ортодоксально-марксистского подхода придавала статус первичной «вещной» реальности категориям формационной теории, по сравнению с которыми изучаемое локальное общество оказывалось вторичным, долженствующим соответствовать элементам и этапам формационного развития и межформационных переходов. С другой стороны, любые элементы, формы, стороны конкретного общественного организма должны были (по крайней

мере, генетически) иметь определенную формационную принадлежность. Их осмысление происходило не столько через синхронные связи и функциональные зависимости в рамках данной социальной системы, сколько через определение их координат в диахронной схеме движения общественно-экономических формаций. В итоге то, что собственно выражало историческую индивидуальность, самобытность общества, трактовалось как внешнее, «маскирующее» его подлинную формационную сущность.

В конце 1970-х и в 1980-е годы наметились две линии плодотворного развития подходов и концепций советского кавказоведения, результаты которого не нашли законченного выражения.

Первая из них связана с выдвижением концепции «горского феодализма». Нас здесь интересует не конкретное наполнение этой концепции, а принципиальная новизна подхода. Она состояла в том, что построение данной модели шло не от системных категорий формационной теории к локальной специфике их воплощения, а от эмпирически фиксируемых черт хозяйственной и социальной организации к установлению их системной целостности. Те или иные формы хозяйствования (скажем, альпийское скотоводство), родовые структуры (большая семья), территориальная организация (сельская община), военно-демократические и военно-аристократические институты и т.д. рассматривались с точки зрения их функциональной роли в поддержании устойчивости общества, а не в качестве «пережитков», «зародышей» или «ведущего уклада», выражающих общую формационную динамику [34].

Вторую линию формировали исследования, направленные на целостное и системное представление определенных социально-территориальных единиц. Таковыми первоначально представлялись сельские общины. И здесь новизна подхода была связана с отказом от попыток найти общине определенное место на переходе от первобытности к классовому обществу. Вместо этого детально анализировались механизмы функционирования и воспроизводства общины в качестве целостной социальной единицы [22, с. 133-147].

Историография реформ 1860-1870-х гг., пореформенного развития и эпохи социализма в истории народов Северного Кавказа, сложившаяся в рамках марксистского социализма дает очень мало материала для решения проблемы культурно-исторической специфики региона. В концептуальном плане она строится на постулировании единства содержания общей и региональной политики государства в эпоху реформ, революций и социалистического строительства, общей направленности социально-экономического развития центра страны и ее северокавказской окраины в эти периоды при наличии определенных особенностей в том и другом случае. К данным областям исследований советского исторического кавказоведения применим вывод современных авторов: «В поздней советской науке явно назрел историографический кризис» [39, с. 323].

В новейшей литературе проблематика стадияльно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохранила высокую степень преемственности по отношению к историографической традиции, как советской, так и дореволюционной. В центре внимания

исследователей вопрос об «уровне» общественного развития, а более конкретно – о степени зрелости и особенностях феодализма. Но с точки зрения подходов и результатов исследований наблюдаются значительные сдвиги в решении «большой проблемы» советского кавказоведения – проблемы своеобразия докапиталистического общества на Северном Кавказе.

Плодотворное развитие получили новаторские подходы В.Х. Кажарова к ее решению на материале истории Кабарды. Отправным пунктом его анализа теперь стало определение основной социальной единицы кабардинского общества, территориально соответствующей сельскому поселению (деревне) в качестве вотчины, а не общины. Признание вотчинного структурного принципа основой социальной организации позволяет устранить старые камни преткновения, затруднявшие для советской историографии однозначное решение вопроса о стадийной характеристике феодализма у кабардинцев – фамильный характер землевладения и включенность владельцев в систему общинных переделов пахотных участков [19].

Обсуждение общественного строя народов горного Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа в целом оказалось тесно связано с интерпретацией социальных аспектов Кавказской войны. Оно восходит еще к первой половине 1980-х годов, когда была опубликована статья М.М. Блиева о социальных истоках и сущности Кавказской войны. В работах 1990-х – 2000-х годов он продолжил обоснование и развитие своей концепции [7; 8; 9]. Его оценка общественного строя горцев Кавказа может быть кратко выражена тремя тезисами. Во-первых, основной отраслью хозяйства у всех названных групп было скотоводство, а не земледелие. Во-вторых, соответственно этому не может быть речи о феодализме как достигнутой ими стадии общественного развития. К концу XVIII века здесь только начинаются процессы классообразования и переход от военно-демократических к военно-аристократическим структурам. В-третьих, как и во всех обществах данного типа здесь наблюдается гипертрофированное развитие набеговой практики, превратившейся в основную отрасль хозяйственной деятельности.

Альтернативное видение общественных структур и процессов в наибольшей степени разработано применительно к союзам сельских общин («вольным обществам») Дагестана. Современные ученые в многообразии этнокультурного облика Дагестана как раз и усматривают особую роль общины и рожденных ею общественно-политических структур – союзов общин («вольных» обществ). Концепция известного специалиста по общине горных районов Дагестана М.А. Агларова строится на том, что здесь частная собственность на землю сформировалась как трудовая еще в древности, в эпоху складывания террасных систем. Исходя из этого, он говорит о дагестанской общине как общине новой, вторичной формации. По его мнению, местный джамаат представлял собой объединение не земледельцев, а землевладельцев-граждан, за счет чего сама община обретала значительную прочность и самодостаточность [3, с. 74-75, 87-88, 133].

Давая свою характеристику горско-дагестанского общества в XVIII и в первые десятилетия XIX в., Ю.Ю. Карпов подчеркивает, что «вольные»

общества не были родоплеменными образованиями. Социальная структура «вольных» обществ не отличалась однородностью, имущественная, «силовая» дифференциация между тухумами в большинстве случаев была налицо. Такое явление характерно для обществ, пребывающих на ранних этапах формирования классовых отношений. Для горного Дагестана характерным было сложение феодальной собственности через поглощение ею преимущественно пастбищ, находившихся в общинной собственности, либо «ничейных» – располагавшихся на межобщинных территориях. Однако результаты феодализации социальных отношений, подчеркивает он, не разрушали полноценной функциональности общин. И в целом, в отношении горного Дагестана нет оснований говорить о сложившихся к XIX в. феодальных порядках. Общественная среда там не отличалась однородностью, она была ранжированной, но не классово стратифицированной [21, с. 240-246].

Вместе с тем в работах В.Х. Кажарова, М.А. Агларова, Ю.Ю. Карпова тезисы о зрелости феодальных отношений, об общине как «непервобытной» социальной организации вторичной формации соединяются с признанием застойности и тупиковости феодальной системы в Кабарде, чрезвычайной прочности и самодостаточности общины в нагорном Дагестане, полноценную функциональность которой не разрушали результаты феодализации социальных отношений. С другой стороны, акцентируя динамизм, революционный характер социально-политических трансформаций в обществе горцев Большого Кавказа, М.М. Блиев оценивает их общественные системы как архаичные, соответствующих эпохе военной демократии и зарождения раннефеодальных отношений.

Ю.Ю. Карпов в одной из своих работ говорил о неустранимой диалектике «патриархальных пережитков» и общины, диалектике отношений собственности, специфике статуса феодалов в традиционных горско-кавказских обществах. Глубоко проанализировав проблему особенностей их функционирования в свете истории ее интерпретаций в отечественном кавказоведении, заключал, что дискуссионного в проблеме специфики горских обществ Кавказа остается очень много [22, с. 133-159, 177]. Таким образом, рассматриваемая проблема остается весьма сложной для решения в концептуальных рамках социоисторического подхода в его традиционной интерпретации.

Поиски формы «цивилизационного» представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа

Осознание этой сложности, стремление к концептуальному прорыву было одним из факторов поиска новых парадигмальных оснований исторического кавказоведения в 1990-е и 2000-е годы. Но еще более действенными факторами здесь являлись мировоззренческий кризис всего российского и регионального общественно-исторического знания и притязания местных интеллектуальных элит на утверждение исторической идентичности «своих» сообществ в качестве субъектов регионального и мирового развития, самостоятельных и равных по

культурному и политическому статусу любым иным цивилизациям, нациям и государствам. Отсюда поиски той или иной формы цивилизационного представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Правда, на концептуальном уровне разработку этого подхода осуществляли в большей степени не представители «национальных» историографий, а историки и обществоведы из южнороссийских научных центров. Дискуссии показали, что уже определение границ кавказской цивилизации оказалось весьма проблематичным. Предлагались различные варианты локализации Северного Кавказа в цивилизационном пространстве.

В одном случае постулировалось, что в геополитическом пространстве от Черного до Каспийского морей «исторически формировалась уникально-самобытная целостность социально-политических и социально-экономических отношений культур и народов». «Феномен кавказской цивилизации» виделся в одновременном сохранении самобытности, внутренней целостности культуры и психологии каждого народа при сохранении на всех этапах истории объективно обусловленной взаимосвязи и взаимозависимости между ними. Сторонники этого подхода усматривали «цивилизационную целостность и историко-культурную близость» армян и азербайджанцев, грузин и абхазов, осетин и ингушей, казаков и горских народов [1, с. 56]. В другом случае высказывалось мнение, что «ни одна из версий цивилизационного подхода применительно к Кавказу (в отличие, скажем, от геополитической парадигмы) не позволяет говорить о Кавказе как о некоей целостности». С момента перехода к цивилизации Кавказ в целом выступает в качестве контактной зоны нескольких региональных цивилизаций (древневосточной, античной, восточно-христианской, исламской), а не становится местом развития общекавказской (что не отрицает общих культурных корней и типологической близости) [48, с. 31].

Выдвигался тезис о самостоятельной северокавказской цивилизации, поскольку народы Северного Кавказа, «вступив на путь цивилизации» сформировали свой особый «способ бытия и развития общества», так что «этот регион, с его разнообразными климатическими условиями, представляет собой довольно интересный объект исследования – как «солнечное сплетение» многих культур и народов, с их многоэтническим характером и сложной исторической судьбой» [5, с. 27]. Другой подход трактовал Северный Кавказ как часть «кавказской горской цивилизации» (вместе с некоторыми районами Закавказья), которая корреспондируется с горскими анклавами в других регионах мира, но отличается от них, прежде всего, своими нравственно-этическими комплексами [48, с. 32].

К цивилизационной модели могут быть отнесены и многочисленные «этноистории», которые строятся на представлениях о глубокой древности, самобытности (или даже «феноменальности») и устойчивости тех или иных этнокультурных и этносоциальных единиц регионального культурно-исторического пространства.

При всем разнообразии пространственных конфигураций тех или иных «кавказских цивилизаций», для объяснения их длительного существования во

времени делались ссылки на один и тот же (или очень близкий) набор факторов и механизмов устойчивого воспроизводства их социокультурной целостности: общность ландшафта в связке «высокогорье-предгорья-равнины», близость материальной и духовной культуры, идентичные моменты национальной психологии, общность исторической судьбы [13, с. 29].

Все представленные выше варианты цивилизационного подхода построены на поиске самобытной, целостной (или хотя бы гомогенной) в социокультурном плане пространственной единицы исторического процесса. Имеются, однако, варианты представления кавказской социокультурной самобытности в сравнительно-типологическом ключе.

О.Н. Дамения интерпретирует кавказский феномен как противоположность «целям бытия человека» в западной и восточной культурах. Архетипы и той и другой несут некую неудовлетворенность наличным бытием. В западной культуре она преодолевается через действия человека по совершенствованию бытия. В восточной культуре человек ищет выход из подобного состояния не вне себя, а в погружении своего сознания в самое себя. Человек кавказской культуры «не испытывал какого-либо комплекса своей духовной неполноценности, отсутствия своей самодостаточности. Он воспринимал себя универсальным существом, был доволен собой и миром, в котором жил, и не ощущал какой-либо нужды в поиске другого, более совершенного бытия... Главное в действиях человека в контексте кавказской культуры – это демонстрация наличного бытия и трансмиссия его в социальное будущее в том виде, в каком оно есть» [14, с. 123]. На первый взгляд здесь кавказская социокультурная идентичность получает свое типологическое место наряду с «западной» и «восточной» цивилизациями. Но если сопоставить эти построения с концепцией Ш. Эйзенштадта о «доосевых» и «осевых» цивилизациях, то оказывается, что они адекватно отражают стадильную характеристику эвентуальной «северокавказской цивилизации» как традиционной, не выработавшей еще внутренних условий для саморазвития.

Философски изощренный и глубокий по мысли вариант цивилизационной идентификации традиционных этнических культур предпринял Х.Г. Тхагапсоев [43; 44]. Она основана на анализе роли коммуникации в культурном воспроизводстве и, соответственно, коммуникативных особенностей бесписьменных культур: «В бесписьменной культуре все ее смысловое и предметное содержание может транслироваться лишь будучи основанным на устных (акустических), кинестатических и прочих невербальных формах коммуникации, что придает ей субстантивный характер, выражающийся в практически полном совпадении (слитности) традиций коммуникации и континуума значений культуры» [43, с. 51]. Опираясь на разработанную в философии стоиков категорию лектон («то, что может быть выражено в слове»; обозначаемое; идеальный образ предмета, который мы имеем в виду, когда произносим слово), он определяет кавказский тип коммуникации как лектонический. Подразумевается, что предваряющим условием любого действия человека (социума) является соотнесение некоего идеального плана

(того, что может быть выражено в слове) с конкретным своеобразием ситуации и преодоление возникающей при этом многозначности, неопределенности. Достигается это за счет схематизации любого социального действия и культурного акта на основе коллективных усилий социума (т.е. на основе ритуала) [45, с. 170-171]. При этом кавказские этнические культуры оцениваются как креативные и открытые для коммуникации с иными культурами. В целом по сравнению с письменными, историческими (современными) культурами бесписьменные культуры выступают как типологически «иные», но не примитивные.

Данный вариант представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа обладает сильным потенциалом обобщения и объяснения. Но он близок описанным выше вариантам тем, что также построен на определенной интерпретации традиционной культуры и тезисе о ее устойчивости. С одной стороны, здесь признается, что кавказский (лектонический) тип коммуникации является порождением синкретичности культуры, которая знает лишь один способ существования – в актах прямой, непосредственной коммуникации и интеракции ее носителей. С другой – полагается, что кавказское сообщество этносов как бы «не допустило» дифференциации структурных элементов и механизмов функционирования своей культуры под влиянием великих цивилизаций Востока и Запада, сохранив синкретичность культуры и лектонический тип культурной коммуникации.

Предпринятые в последние годы попытки дать целостное представление культурно-исторической специфики Северного Кавказа на основе приложения категориальной сетки цивилизационного подхода представляют определенный интерес. Полноценное включение социокультурного измерения исторического процесса в рамки научного анализа является в перспективе необходимой предпосылкой решения познавательных проблем, унаследованных от предшествующей традиции исторического кавказоведения. Но решить проблему синтеза только на путях идентификации устойчивых социокультурных моделей, будь то региональных или этнических, невозможно в принципе. Ключевым здесь является вопрос о характере и способе соотнесения константных и динамических составляющих северокавказского культурно-исторического процесса.

Актуальные проблемы культурно-исторического синтеза в изучении Северного Кавказа

Сменявшие друг друга и сосуществовавшие просветительно-географическая, политико-этнографическая, социоисторическая и цивилизационная модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона объединяет один и тот же преемственный объект познавательного интереса и существенное сходство тех жизненных «проблемных ситуаций», в которых этот познавательный интерес формируется и реализуется.

С точки зрения истории науки следует учитывать, что все они являются, прежде всего, формами репрезентации объекта (народов, обществ, культуры Северного Кавказа) для познающего субъекта, а точнее – для общества и культуры, к которым принадлежит познающий субъект. Смена подходов к своему предмету и появление новых результатов его исследования не означали прямого и последовательного приближения к культурно-исторической «сущности» северокавказских обществ. Достижение этой цели через аутентичное прочтение собственных культурных смыслов и индивидуализирующую реконструкцию социальных систем народов региона никогда не могло составлять единственный ориентир научных интересов исторического кавказоведения. На каждом этапе развития оно должно было осмысливать свой предмет не столько в качестве экзотической, замкнутой и статичной социокультурной целостности, сколько в качестве насущной проблемы современной социально-политической действительности, и активной стороны интер-социальных и межкультурных взаимодействий. Концептуальное содержание кавказоведческих трудов фиксировало на каждом этапе не только ментальность ученых и «уровень научных знаний», но и ту историческую ситуацию (с ее ретроспективой и ее перспективой), в которой находились народы региона.

Так, приведенные выше оценки общественной организации горцев как крайне отсталых могут вызывать возражение с точки зрения их применимости ко всем без различия, либо к тем или иным отдельным обществам и народам Северного Кавказа. Возможны иные оценки реального соотношения родовых, территориальных или феодальных, догосударственных и государственных начал в общественном устройстве тех или иных народов. Но в любом случае они фиксировали исторический факт кардинальной важности – стадийный разрыв, качественную разнородность общества, культуры и политической организации России и народов Северного Кавказа. С позиций науки и культуры начала XXI в. кавказоведов XIX в. легко обвинить в культурном снобизме и европоцентризме. Но с этих же позиций очевидно, что все общества независимо от их социальной организации или цивилизационной принадлежности должны были на протяжении XIX-XX вв. так или иначе отвечать не только на колониальную политику европейских держав, но также на культурные вызовы «евроатлантической цивилизации модерна», определяться по отношению к процессам модернизации. Следовательно, характеризуемые здесь взгляды на уровень общественного развития народов Северного Кавказа необходимо соотносить с исторической перспективой самих этих народов.

Далее, применительно к истории кавказоведения открывается возможность такого анализа научной традиции, который выводит за пределы инвентаризации концепций и идейно-политических направлений в историографии и приближается к представлению «парадигмального» уровня функционирования и развития науки. Эволюция парадигмальных оснований исторического познания связывается в литературе с тем, какой аспект прошлой социальной реальности выдвигается в центр познавательного интереса –

политическая подсистема, социальная подсистема или подсистема культуры [37]. Очевидно, что описанные выше модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа могут интерпретироваться как локальное применение этих вариантов парадигмы исторического познания к проблемной области исторического кавказоведения.

В контексте настоящей статьи можно привлечь внимание к более обобщенному видению проблемы, основанному не на различении предметных «срезов», а на способе соотнесения самого объекта с историческим временем. Весь набор моделей, концепций, направлений исторического кавказоведения поддается тогда описанию в контексте двух парадигм. Одна из них тяготеет к идентификации устойчивых систем, к фиксации пребывающего, преемственного, даже неизменного в историческом бытии северокавказского этносоциального пространства. И большинство рассмотренных моделей представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа – просветительно-географическая, политико-этнографическая, цивилизационная – укладывается в нее. Другая – концентрируется на изучении форм и модальностей социокультурных изменений, и только социоисторизм, прежде всего, в марксистской его версии, в определенной степени соответствует этой парадигме.

Здесь интерпретация истории науки смыкается с методологическими функциями проведенного в работе анализа. Они ориентируют на прочтение концептуальных построений исторического кавказоведения не только в контексте их эмпирических оснований и теоретического содержания, но и в контексте общественной практики соответствующего периода. Это требование выглядит вполне тривиальным, но вопрос заключается в том, как его реализовать на почве логико-методологического анализа? Традиционные подходы, которые сводятся к прорисовке общественно-политического фона или к идейно-политической классификации научных концепций, здесь недостаточны.

В связи с этим представляется возможным при решении поставленных в данной статье задач опираться на модель истории как науки, которую разработал немецкий историк и методолог Йорн Рюзен. Она построена на основе понятия «дисциплинарная матрица», введенного в философию науки Т.Куном в качестве развития и конкретизации понятия парадигмы [34]. В отличие от дисциплинарной матрицы естественных наук, познавательная структура истории включает и некоторые некогнитивные элементы и функции. Историческое мышление имеет своим истоком практические потребности и выполняет практические функции ориентации и поддержания идентичности социальных субъектов. Но одновременно история функционирует как академическая дисциплина со своей собственной «логикой», которая характеризуется, главным образом, методической рациональностью в трактовке эмпирических свидетельств прошлого.

В соответствии с «дисциплинарной матрицей» истории, чтобы обнаружить внутреннюю логическую структуру каждой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа необходимо

артикулировать характер влияния политической стратегии коллективной памяти (общества и государства) на познавательную стратегию исторического кавказоведения на том или ином этапе его развития. Общество (и государство), имея сложившиеся представления о своем месте в культурно-историческом процессе (историческую идентичность) сталкиваются с какими-то изменениями условий и, соответственно, потребностей своей жизнедеятельности. Из этого вырастает познавательный интерес к поиску новой ориентации во временном изменении современного мира. Академическая дисциплина (в нашем случае – кавказоведение) реализует этот познавательный интерес своими средствами. Для наших целей важно акцентировать значение теоретической составляющей этих средств или, в терминологии Й. Рюзена «руководящих идей», концептов значимости (обозначения), в рамках которых прошлое приобретает свой особый облик как «история». Иными словами, необходимо выявлять внутренне присущую им логику совмещения основных модальностей исторического времени, тот временной горизонт, который охватывает та или иная модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

С этой точки зрения становится очевидным, что рассмотренные модели как познавательные конструкции имеют в своей основе и одновременно ограничиваются двойным горизонтом. Один, «объективный» горизонт познания задается тем, что на момент познания составляет прошлое и настоящее, т.е. реальную, состоявшуюся и «ставшую» историю народов Северного Кавказа. Другой, «субъективный» горизонт познания, «горизонт будущего» задается общим видением направленности исторического процесса, которым руководствуется исследователь и тем политическим целеполаганием, с которым он солидаризируется.

Может показаться очевидным наблюдение и банальным «вывод» о том, что в последней трети XVIII в. суждения о культурно-исторической специфике Северного Кавказа строились только на данных о генезисе и характеристиках традиционной социальной организации и культуры народов региона. К последней трети XIX в. «горизонт прошлого» включал уже опыт их столкновения с военно-колониционной и административной практикой Российской империи, кризисные и трансформационные процессы в местных обществах. К середине второго десятилетия XX в. предмет культурно-исторической рефлексии мог включать уже опыт и результаты интеграции Северного Кавказа в политико-административную, социально-экономическую, культурную системы России, масштабы и пределы адаптации народов и обществ региона к реформам 1860-1870-х гг., к процессам имперской модернизации в пореформенный период и т.д. и т.п.

Разумеется, кавказоведение как научное направление шаг за шагом включало в предметную область своих исследований явления и процессы каждого очередного этапа исторического развития Северного Кавказа. Но это не означает, что происходило соответствующее видоизменение доминирующей модели представления его культурно-исторической специфики. В рамках политико-этнографического подхода первой половины XIX в. и позитивистского социоисторизма второй половины XIX – начала XX вв. не

проводилось существенного различия «текущего» и предшествующих периодов с точки зрения базовых характеристик социальной организации и культуры народов региона. Доминантой в их осмыслении оставалась социокультурная традиция, хотя уже с 1880-х гг. фиксируются и их трансформации в результате осуществленных здесь реформ и пореформенного развития. Напротив, марксистский социоисторизм тяготел к четкому «разведению» последовательных этапов формационного развития и фактически устранил из области познавательных задач целостное представление культурно-исторической специфики Северного Кавказа. Наконец, современный цивилизационный подход строит свое видение на таком «синдроме» культурно-исторических характеристик народов и обществ региона, который включает лишь устойчивые структуры природно-географического порядка и сугубо традиционные элементы социокультурного порядка.

Столь же существенные последствия для познавательных результатов имеет тот «горизонт будущего», на который ориентируется исследователь, пытаясь определить культурно-историческую специфику Северного Кавказа. Этот вопрос применительно к историческому кавказоведению требует специального изучения, но в порядке предварительной гипотезы можно отметить, что для отечественного кавказоведения XVIII – первой половины XIX вв. горизонт будущего для Северного Кавказа замыкался актуальным состоянием Российского государства, общества и культуры. В рамках позитивистского социоисторизма уже происходит некоторое расширение этого горизонта. Он отрывается от текущей социоисторической реальности и связывается с неким перспективным, более передовым состоянием общества. Это видно уже из приведенных выше суждений М.М. Ковалевского об общественных функциях истории и этнографии Кавказа. Автор изданного в 1917 г. статистико-экономического исследования народностей Кавказа Б.Ишханян уже прямо ставил проблему «исторической группировки экономических и социально-политических сил различных национальностей и народностей» в связи с будущим, «когда наступит эпоха гражданских свобод». Его оценка заключалась в том, что почти все магометанские группы относятся к культурно отсталым элементам, которым будет нелегко приспособиться «к потребностям экономического, социального и умственного развития края», поскольку в них слишком прочно укоренились «традиция и сила религиозного фанатизма» [17, с. 21-22]. Марксистский социоисторизм уверенно постулировал закономерное и неизбежное схождение траекторий социальной эволюции в единой точке светлого будущего и для России и для народов Северного Кавказа. В таком контексте будущее фактически оказывалось независимым от прошлого. Более того, перспектива социально-культурной гомогенизации накладывалась на представления о прошлом и настоящем, ориентируя на поиски содержательного единства исторического процесса в политическом пространстве России и обоснование культурно-исторической близости субъектов этого процесса. А вот в некоторых современных вариантах социально-политического и цивилизационного анализа проблем Северного Кавказа горизонт будущего вновь приближается и даже полностью сливается с

актуальным состоянием российского общества и государства. Произошел своего рода ренессанс политико-этнографического подхода к истории и современности региона.

Осуществленный анализ позволяет сформулировать требования к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона, применимой к решению актуальных проблем развития Северного Кавказа.

Осознанная установка на расширение «горизонта прошлого», на включение всех различных этапов культурно-исторического развития региона в общую его интерпретацию может придать новую информативность хорошо известному историческому материалу. Прежде всего, становится очевидным, что этапы социокультурной эволюции региона характеризуются не только хронологической последовательностью и причинно-следственными связями. Имеют место смысловые отношения между ними по принципу герменевтического круга. Знание более поздних фаз эволюции проливает дополнительный свет на историческое содержание предшествующих этапов, а в контексте общего расширения «временного горизонта» каждое из исследуемых явлений и процессов приобретает новый смысл. Становится невозможным сведение культурно-исторической специфики Северного Кавказа к характеристикам любого отдельно взятого периода его существования, даже того, которому приписывается качества «аутентичности» – первоисточника или смыслообразующего ядра его исторической идентичности.

Осознанная установка на расширение «горизонта будущего» предполагает формулирование такой его «идеи», которая не сводится к прямой экстраполяции прошлых и нынешних состояний общества, а представляет собой открытую проблему. В этом случае «будущее» утрачивает характер неясного ментального образа, аффективного стремления или предмета безотчетной веры и превращается в теоретически разрабатываемый концепт. Такой концепт может включаться в анализ, быть предметом рационального обсуждения и выполнять логические функции в процессе решения проблем социально-политического развития Северного Кавказа.

Далее, в смене указанных исторических этапов очевидно нарастание масштабов и интенсивности воздействия внешних факторов на состояние, функционирование и трансформации обществ и культуры народов Северного Кавказа. И если просветительно-географический подход еще выглядит как попытка представить регион просто таким, какой он есть, в отличие от просвещенного, государственно-организованного общества европейского типа, то политико-этнографический и социоисторический подходы представляют народы и общества Северного Кавказа в их активном взаимодействии с военной машиной, властно-управленческими институтами, преобразовательной практикой Российского государства имперского и советского периодов.

Таким образом, исходное положение (методологический принцип) обобщенного решения рассматриваемой проблемы на современном этапе развития исторического кавказоведения сводится к тому, что культурно-историческая специфика Северного Кавказа познаваема, прежде всего, в ее

относительности, т.е. постольку, поскольку она проявляет себя вовне, в отношениях с иными обществами и культурами, и поскольку она разворачивается во времени, раскрывая те или иные свои аспекты в меняющихся исторических условиях. При этом современный исследователь должен ясно отдавать себе отчет в той «идее будущего», которой он руководствуется в своем анализе и обобщениях, и в тех выводах для общественной практики, которые он из них делает.

Следующий шаг заключается в определении способа реализации указанного принципа в исследовательской практике. Он предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе.

При таком подходе представляется возможным целостное «синтезное» осмысление этого процесса, которое будет резюмировать историю Северного Кавказа в социокультурном ключе, а не классифицировать «северокавказскую культуру» в цивилизационном ключе. Искомый результат такого исследования можно было бы обозначить как реляционно-динамическую модель представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа.

Обращение к актуальным проблемам социально-политического развития Северного Кавказа с позиций реляционно-динамического представления его специфики также может быть весьма продуктивным. Во-первых, принцип максимально широкого временного горизонта, т.е. включение текущих событий, процессов и проблем в широкий культурно-исторический контекст позволяет базировать их оценку не на конъюнктурных, ситуационных факторах, а на учете структур и тенденций большой длительности, имеющих фундаментальный характер. Во-вторых, реляционный принцип, т.е. учет всего многообразия, как внутренних для региона, так и внешних факторов современного социально-политического развития позволяет обеспечить реальную системность анализа. Наконец, динамический принцип, т.е. опора на определенные механизмы реализации социокультурных изменений во взаимодействии традиций и инноваций, культуры и политики, позволяет усилить прогностическую функцию социально-политического анализа.

Все это не значит, что будет гарантировано получение однозначных и «истинных» результатов исследования социально-политических проблем современного развития. Сама по себе методология реляционно-динамического подхода не содержит предписания, с каким социокультурным или политическим субъектом должен идентифицировать себя исследователь, для кого выполняемое им исследование будет обеспечивать функцию ориентации во времени и поддержания исторической идентичности. Выше говорилось об идейно-политической неоднородности подходов к актуальным проблемам Северного Кавказа. Наука не может преодолеть эту неоднородность, так же как

устранить расхождения и конфликты интересов различных общественных сил. Но она может способствовать неконфликтному взаимодействию альтернативных программ, рациональному диалогу социокультурных и политических субъектов «текущей истории». Поскольку проблемой, требующей решения, признается искомое будущее, познавательный интерес направляется не на доказательство готовой истины, а на выявление, учет и обобщение всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации культурно-исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – №1. – С. 3-13.
2. *Абрамов Я.В.* М.М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях горцев Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. Т.1. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 167-175.
3. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 366 с.
5. *Аникеев А.А.* Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. С. 25-28.
6. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Каказа. – Нальчик: Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 405 с.
7. *Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. – 1983. – №. – С. 85-96.
8. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878 с.
9. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. – 592 с.
10. *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.
11. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению Императорской академии наук – СПб.: при Императорской академии наук, 1809. – 394 с.
12. *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. Петербургское Востоковедение. 2002. – 512 с.
13. *Давидович В.Е.* Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 28-30.
14. *Дамения О.Н.* Переоткрытие культуры // Очерки кавказской культуры / Под ред. А.В. Дмитриева. – Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2001. – С. 63-128.
15. *Дзамихов К.Ф.* Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 671-808.
16. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В VI томах. Том I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I. Кавказ. – СПб., 1871. – 640 с.
17. *Исиханян Б.* Народности Кавказа. Состав населения, профессиональная группировка и общественное расслоение кавказских народностей. (Статистико-

- экономическое исследование). – Петроград: Изд. книжного магазина М.В. Попова, 1917. – 116 с.
18. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
19. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. – 434 с.
20. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 101-136.
21. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 656 с.
22. *Карпов Ю.Ю.* Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 121-187.
23. *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С.213-292
24. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т.1. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. – 303 с.
25. *Ковалевский М.М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. – 1883. – Кн. XII. – С. 137-154.
26. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. I. // Кавказский этнографический сборник. Вып.1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – С. 265-374.
27. *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 236 с.
28. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. В 2-х выпусках. Вып.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 344 с.
29. *Линден В.К.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916. – 413 с.
30. *Лихницкий Н., Покровский Н.* Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. – 1934. №2(036). – С. 99-105.
31. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С. 47-62.
32. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть первая. – М.: В типографии С. Скливановского, 1823. – 352 с.
33. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. – М.: Издательство «Красная новь», 1923. – 392 с.
34. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. – 1978. – №2. – С. 15-24.
35. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8-26.

36. *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 231 с.
37. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. – СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.
38. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. – СПб.: Алетей; М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 523 с.
39. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.
40. Северный Кавказ: Проблемы экономики и политики / Под общ. ред. А.А. Языковой. – М.: URSS, 2008. – 136 с.
41. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2-х т. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. – С. 187-278.
42. *Торкунов А.В.* Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. : материалы Международной научной конференции, Москва, МГИМО(У) МИД России, 16-17 мая 2006 г. / под ред. В.В. Дегоева. – М.: Русская панорама, 2007. – С. 7-14.
43. *Тхагапсоев Х.Г.* Коммуникативные особенности бесписьменных культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 48-57.
44. *Тхагапсоев Х.Г.* Лектонический тип коммуникации и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2001. – №4. – С.50-58.
45. *Тхагапсоев Х.Г.* Южная Россия: кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – С. 164-185.
46. *Фадеев А.В.* Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII-XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории. – 1958. – №5. – С. 130-137.
47. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: издательство Академии наук СССР, 1960. – 402 с.
48. *Черноус В.В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – №2. – С. 30-34.
49. *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. №1. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х томах. Том I. – Нальчик: ГПЗ «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 180-230.
50. *Яндиев М.А.* Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 496 с.

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-12-40

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА В КАВКАЗОВЕДЕНИИ

А.Х. БОРОВ

ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
Центр социально-политических исследований КБНЦ РАН
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выяснение возможностей подведения единого концептуального базиса под исторический (ретроспективный) и актуальный (перспективный) анализ проблем развития Северного Кавказа. Непосредственные задачи исследования состоят в реконструкции, типологизации и концептуальном анализе моделей представления культурно-исторической специфики региона в отечественном кавказоведении, и на этой основе – в определении требований к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона. Выявлены четыре модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона: просветительско-географическая, политико-этнографическая, социоисторическая и цивилизационная. Осуществленный анализ позволяет сформулировать требования к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона, применимой к решению актуальных проблем их дальнейшего развития. Его исходное положение сводится к тому, что культурно-историческая специфика Северного Кавказа познаваема, прежде всего, постольку, поскольку она проявляет себя вовне, в отношениях с иными обществами и культурами, и поскольку она разворачивается во времени, раскрывая те или иные свои аспекты в меняющихся исторических условиях. При этом современный исследователь должен ясно отдавать себе отчет в той «идее будущего», которой он руководствуется в своем анализе и обобщениях, и в тех выводах для общественной практики, которые он из них делает. Реализация указанного принципа в исследовательской практике предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе. При таком подходе представляется возможным целостное «синтезное» осмысление этого процесса, которое будет резюмировать историю Северного Кавказа в социокультурном ключе, а не классифицировать «северокавказскую культуру» в цивилизационном ключе.

Ключевые слова: Россия; Северный Кавказ; культурно-историческая специфика; кавказоведение; концептуальные модели; культурно-исторический синтез.

THE PROBLEM OF CULTURAL-HISTORIC SYNTHESIS IN CAUCASIAN STUDIES

A.H. BOROV

*FSBSE «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. The article is aimed at the finding out of the possibilities to lay down coherent conceptual basis for historical (retrospective) and topical (prospective) analysis of the problems of North Caucasus' development. Immediate tasks to be resolved are the reconstruction, typology and conceptual analysis of the modes of representation of this region's cultural-historic originality in historical studies and, on that ground, delineation of requirements for the formulation of the modern generalized interpretation of the region's peoples and societies cultural-historical evolution. Four conceptual models of cultural-historic originality of the region are identified, that of enlightenment-geographical, political-ethnographic, socio-historical and civilizational. Analysis held allows

formulating requirements for the mode of constructing of modern generalized interpretation of the region's peoples and societies cultural-historical evolution, which is consistent with the solving of the topical problems of their further development. Its principal suggestion is that cultural-historic originality of the North Caucasus is knowable in so far as it is manifested outwards, in relations with other societies and cultures, and as it is unfolding in time, revealing its different aspects in changing historical conditions. At the same time modern researcher should have clear awareness of the «idea of the future», by which he is guided in analysis, generalizations and lessons for social practice he arrives at. The principle mentioned above implies that the focus is moved from the search for the «principle of order», i.e. the traits of primordial and sustainable socio-cultural authenticity, to the search for the «principle of development», i.e. specific mechanisms of socio-cultural dynamics (changes, transformations), embodying interactions of endogenous and exogenous factors, binding together past, present and future in North Caucasus' cultural-historical process. Such an attitude makes possible «holistic», «synthetic» comprehension of that process, which would resume the history of the North Caucasus in socio-cultural perspective instead of classifying North Caucasian culture in civilizational perspective.

Key words: Russia; North Caucasus; cultural-historic originality; Caucasian studies; conceptual models; cultural-historic synthesis.